

Культура. —
1998. — 9-15 июля. —
С. 12

Если есть что вспомнить

Вячеслав Невинный. Вся жизнь на сцене МХАТа

Фото Н. САМОЙЛОВА

В роли Епиходова. "Вишневый сад"

Как любопытно бывает наблюдать за собственной зрительской памятью! Память театрала, мне кажется, можно сравнить с "калейдоскопом" — детской подзорной трубкой, в которой между зеркальных стенок пересыпаются разноцветные стеклышки. Трубку можно крутить, и картинка все время будет меняться. Каждый миг — новый рисунок, цветной, затейливый, яркий. Но некоторые узоры удивительным образом возвращаются вновь и вновь. Наверное, только в этой трубочке и хранятся театральные воспоминания. В том, как они всплывают на поверхность сознания, есть какая-то тайна, загадка... Потому что иногда можно вообразить, представить себе, угадать даже те спектакли, которые мы не застали, игру артистов, которых не могли видеть. Как? Не по дотошным научно-образным описаниям, а по живым рассказам тех, кто бережет свой театральный калейдоскоп, кто тоненькими палочками ворошит стеклышки в зеркальном треугольнике памяти.

...Наверное, в семидесятом году я, будучи школьником (отнюдь не старшим), смотрел в старом «доэфремовском» МХАТе «Ревизора». Не могу сказать, что помню в подробностях тот давний спектакль М.Н.Кедрова, но детское ощущение восторга — не забывается. Потом, довольно скоро, было много «Ревизоров» — в Малом, в Сатире, в БДТ, и эти спектакли я видел не единожды, но ничем не затмить в моей памяти актерский ансамбль того (наверное, крепкого, но обычного) спектакля, где декорации были вполне бытовые, без метафор, где музыки, кажется, и вовсе не было, где режиссерским ходам не были присущи «укрупнения» — разве что финальный монолог Горюхиного Владимир Белокуров обращал прямо в зрительный зал («Чему смеетесь? Над собой смеетесь!»). Свет в зале, правда, не загорался, но отголосок «Ревизора» 1921 года с Москвиным и Михаилом Чеховым здесь, безусловно, пробовал звучать.

...Да, великолепный состав был в кедровском "Ревизоре"! Помимо Белокурова, в нем играли Андровская, Грибов, Петкер, Топорков, Комиссаров, Зева...

И — не просто наравне с ними, но лидером спектакля — совсем молодой Невинный в роли Хлестакова. Что такое Хлестаков?

Каждый хорошо играющий эту роль актер (а Хлестакова часто играют хорошо — иначе зачем же ставить "Ревизора"?), отвечает на этот вопрос по-своему, и каждый ответ звучит убедительно, но остается при этом неокончательным.

Фат? Хлыщ? Маленький человек? Злобный хищник? Фантом? Ответ Вячеслава Невинного, на

мой взгляд, обезоруживал простой. В его исполнении Хлестаков был прежде всего – артист, причем его артистизм был вкусно-простодушен, трогателен и наивен. Именно артистической одаренностью героя объяснил невероятную интригу великой комедии Невинный (и Кедров, конечно! Думаю, что Вячеслав Михайлович мог бы многое рассказать о высоком учительстве Кедрова и о той взаимной влюбленности, без которой ничто в театре не получится по-настоящему). Нереализованная потребность игры – вот что составляло главный мотив поведения Хлестакова, вот что было его сквозным действием.

Сцена вранья была сыграна просто и вдохновенно. Не было в ней пьяного куража, был восторг игры — «понесло!». Между двумя дамами Хлестаков полулежал в кресле, вытянув ноги к рампе (так, по крайней мере, видится мне сейчас), и изумительный текст Гоголя, знакомый до знаков препинания, звучал абсолютно импровизационно, свободно, легко.

Вообще легкость Невинного в Хлестакове – это тема для отдельного разговора. Даже в юности артист не был “фитилькой” и “вертопрахом”: его рост и комплекция всегда были внушительными. Но ни на секунду не возникало ощущения тяжеловесной громоздкости. Он порхал по сцене, как мотылек! Прыжки и реверансы, которыми Хлестаков приветствовал дам, были исполнены почти балетного изящества. (Потом Юрий Леонидов – Почтмейстер такими же прыжками пытался приветствовать самого Хлестакова, тут же подшибал сам себя и чуть не падал). И с таким же изяществом усаживался Невинный на спинку ко-

лено преклоненного Бориса Петкера — Хлопова и продолжал ораторствовать, чувствуя себя в такой позиции вполне удобно и ничуть ей не удивляясь.

Так же азартно и трогательно брал он взятки в четвертом действии. С каким-то мальчишеским любопытством Невинный – Хлестаков заглядывал через плечо Грибובה – Земляники, когда тот отсчитывал деньги, чтобы (Боже упаси!) не дать лишнего.

Партнеры Невинного в этом спектакле составляли такую питательную среду, о которой нынешние молодые могут лишь по-маниловски мечтать. Без них, без этих замечательных, удивительно живых и, к великому горю, давно ушедших "стариков" Хлестаков Вячеслава Невинного не стал бы такой бесспорной удачей, не стал бы открытием артиста. (Дебютom Невинного "Ревизор" не был; к моменту выпуска спектакля он работал во МХАТе уже десять лет).

И еще, вспоминая "Ревизора" М.Н.Кедрова, думаешь о том, что в Хлестакове соединялись нити актерских традиций МХАТа, что Невинный, с его полной, крупной фигурой, обаятельной улыбкой и сипловатым тенорком, мог делать в театре то, что начали великие характерные мхатовцы первого поколения, то, что затем столь радостно расцвело в Станицыне, Грибове и Яншине. У них Невинный учился – в школе-студии, в спектаклях, в капустниках.

...Что было дальше – хорошо известно. Художественный театр познавал разные времена и выпускал всякие спектакли, в которых Вячеслав Невинный был – из всегда занятых и всегда достойно играющих артистов.

Крепко, стабильно, мастерски...

Но того ощущения свободного дыхания натуры и счастливой открытости, какое было в "Ревизоре", мне в его ролях расслаблять долго не доводилось. Как-то все оказывалось знакомо, привычно и даже типажно. Винить артиста не в чем — так складывалась его театральная судьба...

...Сравнительно недавняя мхатовская премьера – “Блаженный остров” Микола Кулиша в постановке Николая Шейко с Невинным в главной роли – открытый вроде бы тоже не обещала. “Савватий Савельевич Гуска, обыватель, голубь сизый”, – так аттестован герой в списке действующих лиц. Обывателей Невинный переиграл множество – от Петра Себейкина (“Старый Новый год” М.Рошина) до булгаковского Биткова в “Последних днях”.

Гуска – служащий и “многодочковый” семьянин, из последних сил обороняющий уклад своей жизни “на второй год большевистского гнета”, мог бы стать еще одним привычным мастерским созданием Вячеслава Невинного в его знакомом амплуа.

Но стал чем-то совсем иным. Пожалуй, не открытием, ибо нельзя сказать, что артист был неизвестен в образе Гуски. Невинный в "Блаженном острове" добился результата, который известными опытными мастерами сцены достигается крайне редко, раздвинул рамки своей актерской природы. "Стопроцентную свою", комедиунную, роль он окрасил в тона драмы, почти трагедии, а потому и общее впечатление было — совсем-совсем свежее и чистое. Словно отбросив свою превеликую опытность, забыв о шлейфе многих сыгранных ролей, артист работал как дебютант.

который все премудрости театра постигает впервые. Сию минуту, здесь, сейчас.

Пьеса "Блаженный остров" написана в 1925 году с намерением – поверить в революцию. Не получилось. Насекомые страсти Савватия Гуски и его семейства, как ни странно, заставляют нас чуть ли не плакать над судьбой этих людей.

Впервые в спектакле Н.Шейко Гуска... потрясением вырвался из-под земли (на крошечные, под музыку). Его округлая фигура с бес- сильно разведенными руками, его столь же округлые светлые глаза за стеклами пенсне словно излу- чали недоумение: "Куда же ты смотришь, Боже?" Невинный на- чинал роль с большой паузы, а даль- ше — с поражающей страстью пу- скался в бурный океан событий ко- медии. Неважно, что буре эта бу- шевала в кастрюле борща, о кото- ром так вкусно и изысканно рас- суждал Савватий Савельевич.

Вячеслав Невинный играл тонко, изящно и очень подробно. Природа этой подробности была – не бытовой, ибо был в доме Гуски тщательно упрятан в погреб и на чердак. Туда, подальше от комиссаров, скрыта вся домашняя утварь, вся живность; но в игре Невинного – Гуски вся его ушедшая жизнь – освоенная, сочная, патриархальная – продолжала существовать, как отражение, задержавшееся в зеркале, в которое никто уже не смотрит, как тень от несуществующего предмета.

В комедии М.Кулиша в Невинному пришлось то легкое дыхание (опять-таки неточный термин!), без которого крупный артист, известный опытный мастер вряд ли может называться художником. Роль Гуски была сыграна с молодой счастливой влюбленностью — в профессию, в партнеров, в режиссера, в пьесу, в жизнь...

...Со старыми мхатовцами Николаю Шейко не довелось работать, он работал со "стариками" Александринки — с Толубеевым, Меркурьевым, Адашевским, Борисовым. Наверное, он о них вспоминал, репетируя с Невинным, так же как Невинный вспоминал о своих старших партнерах и учителях... даже о тех, на кого он никогда не был похож.

... И в моем "калейдоскопе памяти" проступает еще одна картинка. 1974 год... За тюлевым занавесом, из мглы бурана возникает кабинет жандармского генерала Дубельта. Генерал выслушивает доклад рядового стукача Биткова. Биткову – Новинному – тепло, ноги в валенках уютно переминаются на паркетe, и в интонациях звучит собачье ожидание одобрения, даже ласки...

А Дубельт корректен и в меру доброжелателен, но при этом ле-

дьяным образом презирует маленького филера, осуществляющего секретное наблюдение за камерюнкером Пушкиным.

Дубельта в том булгаковском спектакле "Последние дни" играл незабываемый Анатолий Петрович Кторов.

Я не случайно вспоминаю это! Поворачивая калейдоскоп памяти, так хочется ощутить театральное настоящее и давно минувшее театральное прошлое – как нечто целое...

Ужасно хочется верить в чудеса, в необъяснимые перевоплощения, в бессмертие Театра.

А Театр весь соткан из тайн и невероятностей, и вполне возможно на исходе XX века ощутить в игре Вячеслава Невинного отголосок великих комиков прошлого — Живокіни, Давыдова, Варламова...

Конечно, если есть материал для воспоминаний.

Если есть что вспомнить.

Сейчас Московский Художественный театр вступил в сотый сезон... Громкий юбилей – это, разумеется, праздник, но это не мешает возникновению грустных мыслей и светлых горьких воспоминаний... Сегодня МХАТ переживает смутные времена тревожной переоценки ценностей... Вячеслав Невинный – один из очень немногих артистов, проработавших на этой славной сцене всю жизнь. Он помнит многое...

В ефремовской версии "Трех сестер" Невинный играет доктора Чебутыкина, обживаает легендарную роль, доставшуюся ему в наследство от Артема, Грибова, Яншина... Об исполнении Невинного кто-то сказал: "Плохо играть он не умеет!" Действительно, артист не пропускает ни одного из эффектных моментов, дающих право на уход под аплодисменты. Например, пьяный монолог Ивана Романыча в третьем действии завершается певческим пассажем: "Не угодно ли этот фи-и-иник ва-а-ам принял-а-а-ать!" Чебутыкина почти уносят со сцены, и зал радостно аплодирует... (Чехов когда-то писал: "В театрах петербургских все по-прежнему. Давыдов – все Давыдов, и публике нравится, что он – Давыдов"). А мне дороже ярких эффектных мест кажутся те моменты роли, когда Невинный играет скромно, сдержанно, тихо... "Остался я позади, точно перелетная птица, которая состарилась, не может лететь..."

...Невинный грустно сидит на крыльчке дома Прозоровых, глаза его глядят устало и грустно, струятся березовые стволы вокруг, прозрачен осенний воздух...

Герой Вячеслава Невинного —
вспоминает.

Павел ЛЮБИМЦЕВ